

У самого уха гремела оглушительная свадебная музыка: дробь барабанов, звон гонгов, пронзительная суона - всё смешалось в знакомую мелодию встречи невесты.

Цинь Хэ, опоенный снотворным, беспомощно лежал на постели, его конечности были словно сделаны из ваты, голова кружилась. Алая фата уже была сорвана, а огненно-яркий свадебный наряд грубо разорван огромными ладонями, обнажая нежную кожу, что сияла, словно тончайший нефрит, нежным и бархатистым блеском.

Грубый мужчина, склонившийся над ним, при виде этого весеннего великолепия сглотнул слюну, кадык задвигался, а в глазах вспыхнул голодный огонь. Испуганный его хищным взглядом, Цинь Хэ попытался оттолкнуть мужчину. Однако отравленные снотворным руки были так слабы, что толчок в грудь не только не имел силы, но и напоминал кокетливую игру в сопротивление.

Но даже этот комариный укус заставил мужчину нахмурить густые брови. Он пристально смотрел на того, кто был под ним, и одной рукой легко зафиксировал обе руки Цинь Хэ над головой, лишив его возможности двигаться.

— Не хочешь? — прошипел мужчина сквозь зубы, и в его взгляде читалось: стоит Цинь Хэ лишь кивнуть, как другая рука миглом ломает ему шею, будто цыплёнку.

По этому переполненному свирепостью взгляду Цинь Хэ без слов понял угрозу. Мужчина словно говорил: «Выбирай - жизнь или целомудрие? Не отдашься - умрёшь!»

Цинь Хэ похолодел от страха, он понимал, что мужчина не шутит, а был подлинно свиреп и жесток. В конце концов, этот человек слыл «Ша-шэнем», настоящим демоном: ходили слухи, что на горе Цаншань он голыми руками забил насмерть огромного тигра. Говорили, его удар пробил дыру в голове зверя, и алая кровь, смешавшись с мутным мозгом, хлынула наружу.

Скосив взгляд на стальные кулаки мужчины, Цинь Хэ почувствовал, что его хрупкий череп вряд ли выдержит такой удар. В страхе он покорно разомкнул губы, позволяя мужчине прижать его к себе, раздвинуть зубы, разорвать одежду, слиться в поцелуе, пока мир вокруг кружился в вихре.

Алые свечи покачивались, полог гибискуса хранил уютное тепло, и весенняя нега разлилась повсюду*. (ПП: повсюду чувствуется любовная оттепель; досл.: «весенние краски без края»).

Пока мир вокруг сотрясался, Цинь Хэ в одурманенном полузабытьи думал о своей прежней и нынешней жизни. Звали его прежде Хэ Шэн; он родился в двести сорок первом году эпохи Конца света, погиб, когда его растерзала и съела стая зомби, а затем неведомо как его душа пересекла тысячу лет и очутилась в династии Юнци. В той эпохе постапокалипсиса школ не было, потому Хэ Шэн так и не учился и не знал, существовала ли в истории эта династия на самом деле. К счастью, с того мгновения, как он переродился в этом теле шуаньэра, мужчины, способного к деторождению, к нему перешли все воспоминания прежнего хозяина тела.

Сейчас идёт четвёртый год династии Юнци; человечество делится на три категории: мужчины, женщины и шуаньэры. О мужчинах и женщинах говорить нечего, а вот шуаньэр - это выделившийся третий пол. В патриархальной державе с превосходством мужчин и унижением женщин положение последних ниже мужского, а у шуаньэров оно ещё ниже женского. В нынешнюю эпоху даже установлено: людям со статусом чиновников вовсе запрещено брать шуаньэра в законные супруги, а мужчина, у которого главный супруг шуаньэр, не имеет права поступать на службу к императорскому двору. Тем самым и без того слабое из-за врождённых причин деторождение у шуаньэров оборачивается ещё более низким положением; порой их и вовсе превращают в забаву знатных и влиятельных, словно в приручённых любимцев. В обычных семьях, если только уже совсем невозможно сосватать невесту и если мужчина добровольно готов «пресечь возжигание благовоний» (оборвать род), подавляющее большинство не станет жениться на шуаньэре, лишь потому что шуаньэры крайне трудно рожают.

Тело, в которое переродился Хэ Шэн, принадлежало шуаньэру. Причём необычайно красивому: лицо как цветущий персик, стан гибкий и изящный, с ослепительной внешностью. Многие чиновники и местные дворяне несли серебро, добиваясь права принять его в дом, но прежний хозяин тела на всех смотрел свысока: если уж быть наложницей, то только у большого сановника или богатого землевладельца, чтобы тот увёз его из нищего приграничного города в блестящую столицу; а если иначе, то лишь официально выйти замуж с полным свадебным обрядом и паланкином на восемь носильщиков. Словом, непременно одно из двух.

Кто знал, что сладкая мечта разобьётся, едва начавшись.

Сначала ему сообщили, что у него есть брачный договор с соседским студентом из крайне бедной семьи. Говорили, что когда-то их отцы спасли друг другу жизнь, и потому двоих детей сосватали, ещё в колыбели решили соединить судьбы.

Не успел прежний хозяин тела оправиться от мысли о бедности будущего мужа, как его младшая сестра подначила мать «сосватать» его человеку, которого страшится вся округа и старается держаться подальше, тому самому Ша-шэню. Всё ради того, чтобы покрыть несколько мешков зерна, которые семья утаила, и потому что он стоял на пути у сестры, которая решила таким образом от него избавиться.

Человека, за которого его сосватали, звали Куй У. Он был уродлив, жесток и свиреп, словно воплощённый бог смерти. Говорили, он однажды отрубил конечности воину-хучжэню, запихал его в огромную кадку и отправил обратно в степь в виде «человека-свиньи». Легенд о нём, от которых кровь стыла в жилах, было бесчисленное множество. В городе Дишуй при одном упоминании имени Куй У все трепетали. Незамужние девушки и шуаньэры боялись его до дрожи в коленях.

Когда-то Куй У объявил о поиске невесты. Одна бедная семья, позарившись на его деньги, за десять лян серебра согласилась продать ему в жены молодую вдову. Узнав об этом, вдова тут же попыталась повеситься. К счастью, родные вовремя обнаружили и спасли её. Позже другая девушка, на которую Куй У по неизвестной причине бросил на улице несколько взглядов, прослышала, что он ею заинтересовался. От страха она потеряла сон и аппетит, за несколько дней превратилась в тень былой себя. Семье пришлось в спешке выдать её за первого

встречного, и лишь тогда девушка пришла в себя.

А затем настал черёд прежнего владельца тела. Узнав, что его выдают за Куй У, тот в ужасе от его свирепости и уродства бросился в реку. Его спасли, но, едва он оправился от лихорадки, насильно посадили в свадебный паланкин. В результате первоначальный владелец тела в конце концов не справился с этим, умер на полпути, а его тело перешло к Хэ Шэну.

— Ты ещё способен отвлекаться?! — прямо у уха раздался хриплый, сдавленный голос. Тяжёлое, с трудом подавляемое дыхание, казалось, прорывалось сквозь зубы. В этой низкой, глухо звучащей брани слышалась нескрываемая досада. Сказав это, мужчина и не подумал щадить худощавое тело под собой - ни капли снисхождения, ни тени сдержанности, лишь грубая, неотвратимая ярость движения.

Хэ Шэн окончательно потерял способность мыслить. Всё его сознание, до последнего осколка, было вытеснено ощущениями. Сначала в этих мощных, переполненных силой движениях всё ещё оставалось нечто, что можно было принять за наслаждение, но уже после второго раза, когда мужчина по-прежнему, не зная усталости, измывался над ним с той же слепой силой, Хэ Шэн почувствовал, что более не может это выносить.

Однако его хриплое, слабое, едва слышное «пощади» лишь сильнее разжигало в мужчине безумную ярость. Глаза его налились кровью, движения стали ещё грубее, как будто он потерял человеческий облик.

Когда Хэ Шэн снова открыл глаза, за окнами уже сгустились сумерки нового дня. В комнате было темно - ни одного огонька, ни свечи. Он лежал на постели, всё тело ещё содрогалось от истощения. Мышцы болезненно подёргивались, везде тянуло и ломало, боль проникала до костей. Это ощущение напоминало то, что он испытывал в момент гибели: когда толпа зомби разрывала его на части, рвала мышцы, дробила кости. Будто кости нынешнего тела пришлось вырывать из их зубов и с трудом собирать обратно.

Голова была тяжёлой, в ней всё плыло, сознание затуманено. Хэ Шэн попытался пошевелиться, но тело будто распалось на части. После всего, что с ним сделали, он не мог двинуться даже пальцем. Лишь глаза оставались живыми, только ими он и мог свободно двигать.

Послышался лёгкий скрип двери. Мужчина вошёл с улицы, неся с собой ледяной холод. У порога он громко притопнул, отряхивая снег с сапог и разгоняя промозглость, что впиталась в одежду. Лишь тогда, согревшись, он направился к постели.

Когда он наклонился, лицо его показалось из тени - суровое, мрачное, исполненное властного хлада, пугающего даже без гнева.

— Проснулся? — спросил он грубым голосом, который идеально соответствовал его массивной фигуре. Такой же холодный, жёсткий, в котором не чувствовалось ни капли сочувствия.

И всё же, стоило Хэ Шэну разглядеть его лицо, как он застыл в изумлении. Прошлой ночью, в бреду и под действием лекарств, всё перед глазами плыло, он ничего не мог рассмотреть ясно. А в памяти прежнего хозяина тела облик Куй У вставал только как уродливый человек ростом в восемь чи, могучий, с широкой талией в несколько обхватов, с голосом, что гремел подобно барабану, настоящее чудовище. Говорили, шагнёт - и земля вздрагивает под ногами; гаркнет - и зверь в радиусе ста шагов разбегается в страхе.

Но человек, что сейчас стоял перед ним, был совершенно другим. Это было лицо, будто вырубленное самой природой грубым резцом: суровое, выразительное, до крайности мужественное. Именно из-за этой чрезмерной резкости в чертах оно казалось острым, как обнажённый клинок, сияющий смертельным холодом. Не лицо, а тяжелый боевой меч без ножен, в каждом изгибе скулы и линии челюсти сквозила угроза и неумолимость. К тому же от него исходил леденящий дух мрак, та самая аура, что зовётся «ша ци».

Однако, несмотря на налитое зловещей мощью выражение, это лицо вызывало скорее внутренний трепет, чем отвращение. Назвать его уродливым было бы невозможно. Просто в эпоху Юнци, где жил прежний владелец тела, почитался иной идеал: мужчины пудрили лица, вплетали в волосы цветы, и чем более неразличимыми были черты между мужским и женским, тем выше ценился внешний облик. В таком мире подобная внешность, исполненная холода, силы и зловещей суровости, не могла считаться красивой.

Но именно такой типаж Хэ Шэну и нравился. Прожив годы в эпоху Конца света, он знал: в этом мире нет ничего более надёжного и притягательного, чем сила. А Хэ Шэн с юности тяготел к мужчинам, к тем, в чьей фигуре читалась мощь, а на лице безапелляционное «не лезь». От подобного он терял волю.

Прошло несколько мгновений, но от шуанъэра не последовало ни слова. Брови Куй У медленно сошлись, и без того грозное лицо потемнело. В этом молчании он ощутил угрозу, будто тот думает о чём-то недозволенном. Лицо его стало пугающим, как у самого Асуры.

— Ты переспал с Куй У, — глухо, с холодной яростью выговорил он, — значит, теперь ты принадлежишь Куй У. И не смей даже думать о всяких там посторонних. А не то я...

Он поднял кулак, величиной с булыжник, и пару раз ударил им в воздух. Словно сам воздух сжимался от этой силы, сгущаясь вокруг сдавленным напряжением.

По правде говоря, даже пережившему ужасы конца света Хэ Шэну становилось по-настоящему не по себе при виде этого демона в обличье человека. Этот жестокий, как Асура, Куй У вызывал страх на каком-то глубинном, животном уровне.

Он хотел что-то сказать, хотел вымолвить хоть слово, но стоило ему приоткрыть рот, как из него вырвался лишь слабый, хриплый выдох - беззвучный, бессильный, рассыпающийся в воздухе, как пыль.

Куй У положил свою тяжёлую ладонь, больше похожую на медвежью лапу, прямо на лоб Хэ

Шэна. Лицо его нахмурилось, словно узел завязывался меж бровей.

— Почему ты такой горячий? — резко спросил он. — У тебя жар. Почему молчал?

Он недовольно поджал губы, злобно и в то же время сдержанно, и пробурчал:

— Подожди. Я схожу за ланчжуном.

Он уже сделал два огромных шага к двери, как вдруг что-то вспомнил, развернулся и вернулся обратно. Подошёл к очагу в центре комнаты, снял с жаровни глиняный горшок и вылил его содержимое в большую чашку. Это была простая рисовая похлёбка. С осторожностью он поставил чашку возле постели.

В мире после апокалипсиса еда была роскошью, ради которой люди шли на смерть. Никто бы там не отдал с такой лёгкостью другому даже половину своего пайка, не говоря уже о том, чтобы просто сварить и принести тёплый рисовый отвар. И пусть теперь всё было иначе, пусть он знал, что это уже не тот мир, сердце Хэ Шэна всё равно дрогнуло.

Аромат рисовой каши с кукурузой мгновенно наполнил комнату - насыщенный, тёплый, пробуждающий слюноотделение одним только своим присутствием. Хэ Шэн уже и не помнил, когда в последний раз чувствовал этот запах. Он неосознанно сглотнул, и слюна густо собралась во рту. Когда Куй У поднёс чашку к его губам, он больше не смог сдерживаться. Обеими руками вцепился в горячую посуду, даже не думая, что может обжечься, и начал жадно заглатывать кашу большими рваными глотками. Ел он поспешно, будто боялся, что её отберут, и вскоре, захлебнувшись, закашлялся так, что задрожал всем телом.

Куй У протянул свою огромную ладонь и несколько раз похлопал Хэ Шэна по спине. Хотел помочь, сбить кашель, но, похоже, его представление о слове «аккуратно» разнилось с обычным: от пары таких «лёгких» ударов Хэ Шэна чуть не впечатало обратно в подушки. И всё же, даже захлёбываясь, даже кашляя, он продолжал цепко держаться за чашку и торопливо тянул её ко рту, не прерываясь ни на миг.

Куй У едва не выругался и, не выдержав, вырвал чашку из его рук.

— Не сгоришь, так подавишься, — проворчал он и отставил посуду в сторону.

— Не ешь так торопливо, — добавил уже спокойнее. — Никто у тебя не отберёт. На очаге ещё есть, сколько хочешь.

Он, конечно, знал, что семья Цинь бедна, но чтобы настолько, чтобы один только запах каши с кукурузой заставил шуаньэра чуть не задохнуться от жадности, этого он не ожидал. Взгляд Куй У стал тяжёлым, настороженным. Неужели до свадьбы этот шуаньэр в родном доме всё время терпел притеснения и лишения?

Он молча ушёл к очагу и вскоре вернулся с двумя полными чашками густой каши. Хэ Шэн съел и их, не останавливаясь, не выдыхая, как будто боялся, что еда исчезнет, если дать себе хоть секунду отдыха. Только когда последняя крупинка каши исчезла из чашки, холодная суровость на лице Куй У слегка смягчилась.

— Полежи немного. Я сейчас схожу за ланчжуном, пусть осмотрит тебя. Скоро вернусь.

Вероятно, Хэ Шэн, поглотивший три чашки каши без передышки, удовлетворил этим его представление о должной заботе. В голосе Куй У впервые прозвучала тёплая нота, редкая и неожиданная.

Хэ Шэн не был уверен, не привиделось ли ему это. Он поднял глаза, надеясь разглядеть выражение на лице мужчины, но успел лишь уловить, как широкая спина исчезает за дверью. Куй У, как всегда, двигался быстро, уверенно, ни разу не оглянувшись.

<http://bllate.org/book/13598/1205813>